

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Публикуется вторая часть работы Н.И. Кареева «Два новых научных труда по социологии», выявленной в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (первая часть опубликована в предыдущем номере, см.: *Кареев Н.И.* Система социологии П.А. Сорокина // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 95-120; там же: *Долгова Е.А.* Неизвестный труд Н.И. Кареева: предисловие публикатора. С. 90-94). Данная вторая часть документа — отзыв Н.И. Кареева о книге К.М. Тахтарева «Наука об общественной жизни».

Документ публикуется по черновому автографу рукописи Н.И. Кареева с сохранением особенностей авторской речи, ее орфографии и пунктуации. В тексте сохранены подчеркивания и исправления, сделанные Н.И. Кареевым. Сохранена и пагинация автора.

Восстановленные публикатором фрагменты даются в квадратных скобках [ ]. *Курсивом* выделены фрагменты текста, воспроизводящие карандашные пометки Н.И. Кареева на полях. Сокращения в документе обозначены <...>.

Подстрочные примечания, сделанные Н.И. Кареевым, приводятся в сносках: они предваряются словосочетанием «авторское примечание» и заключаются в кавычки. Примечания публикатора также находятся в сносках, но никак не помечаются.

Публикацию документа подготовила Е.А. Долгова в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (№ 33.2471.2014/К), при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6.

Н.И. КАРЕЕВ

ДВА НОВЫХ НАУЧНЫХ ТРУДА ПО СОЦИОЛОГИИ

[Часть 2]

«НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ» К.М. ТАХТАРЕВА

(НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 1–49. Автограф. Подлинник. Черновик)

Январь 1921 г.
[Петроград]

Аннотация. Николай Иванович Кареев (1850–1931) — выдающийся социолог и историк, один из создателей российской социологии, представитель ее психологического направления. Основные проблемные области исследования — метод социального познания; коллективная психология как

основа общества; исторический процесс. Публикуемый обзор Н.И. Кареева посвящен работе К.М. Тахтарева «Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерности», опубликованной в Петрограде в 1919 г. Отзыв был написан Н.И. Кареевым в январе 1921 г. и прочитан в виде доклада на заседании Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского. Рецензия, подробно освещающая идеи К.М. Тахтарева, состоит из пяти частей — первая посвящена анализу некоторых фактологических неточностей автора, вторая, третья и четвертая — пересказу содержания труда; в пятой приводится ценный анализ составленной К.М. Тахтаревым программы преподавания социологии как учебной дисциплины. Публикуемая рецензия является самым обстоятельным обзором труда молодого социолога. Главными объектами критики Н.И. Кареева стала «рыхлость» работы К.М. Тахтарева и его неточности в изложении исторического материала; наиболее ценным для ученого виделся методический вклад К.М. Тахтарева в преподавание социологии. Выявленный в личном фонде Н.И. Кареева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки документ публикуется впервые.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, «Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерности», обзор социологической литературы, программа преподавания социологии, социология, общественная жизнь.

К.М. Тахтарев, уже давно начавший издавать работы по социологии¹, выпустил² в свет в 1919 году большую, в 416 страниц убористой

¹ Авторское примечание: «1. Первобытное общество» (1903). 2. «Очерки по истории первобытной культуры» (1907). 3. «Главнейшие направления в развитии социологии» («Современный мир» за 1910). 4. Социология как наука (1916). 5. «Общество и государство и закон борьбы классов» (1918). 6. «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, системы и методы» (1918). Кроме того, одна из книг автора («Основные ступени развития обществ». 1905) сгорела в типографии. О № 4 смотри мою статью в «Рус[ском] бог[атстве] за 191... год». Имеются в виду: *Тар К.М. [Тахтарев]. Первобытное общество. Этнолого-социологическое исследование. СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1903. 32 с.; Тахтарев К.М. Очерки по истории первобытной культуры. М.: «Польза» В. Антак и К, 1907. 230 с.; Он же. Главнейшие направления в развитии социологии // Современный мир. 1910. № 8. С. 170–202, № 10. С. 164–178, № 12. С. 153–184; 1911. № 8. С. 206–238; Он же. Социология как наука о закономерности общественной жизни (Введение в общий курс социологии). Пг.: Жизнь и знание, 1916. 82 с.; Он же. Общество и государство и закон борьбы классов. Пг.: Кооперация, 1918. 152 с.; Он же. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, системы и методы. Пг.: Кооперация, 1918. 122 с.; Кареев Н.И. Социология г. Тахтарева // Русское богатство. 1917. № 4–5. С. 201–211».*

печати книгу под заглавием «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности» с подзаголовком «Опыт изучения общественной жизни и построения социологии». Задачей³ этой своей книги он поставил «свести в одно стройное целое все то, чему его научил его долгий научный жизненный опыт, многолетнее изучение им общественной жизни и занятия социологией. Он исходит в ней из того положения, что «понимание социологии до сих пор // (л. 2) остается далеко еще не установленным» и «совершенно произвольным». «Подобному состоянию науки, — говорит он, — должен быть положен предел» и «должна быть, наконец, принята какая-нибудь определенная научная система». В приложении автор и дает свою систему в виде подробной программы курса, читанного им в 1920–21 году в Петербургском университете⁴. Самая книга состоит из введения, дающего понятие о самой социологии, и из двух частей, из которых одна посвящена «анализу общественной жизни и ее основных явлений», а в другой рассматривается «закономерность общественной жизни». Во введении около 50 страниц, а из двух других отделов первый почти вдвое более второго (около 250 и 125 страниц): центр тяжести всего построения находится таким образом в первой части, где говорится не о социологии, а о самом обществе и об основных явлениях общественной жизни, а не о том только, как следует понимать закономерность последней. По моему мнению, автор даже сделал бы лучше, если бы слил введение и вторую часть в одно целое, ибо вопрос о том, как следует понимать закономерность социальных // (л. 3) явлений относится к определению сущности социологии, а не общественной жизни. Во всяком случае для себя считаю более удобным рассматривать в общей связи начало и конец книги, а потом уже ее середину.

Труд К.М. Тахтарева представляет собою не только изложение его собственных мыслей, но и критику взглядов, высказывавшихся по тем или иным вопросам другими писателями. Автор очень начитан и в старой, и в современной социологической литературе, и в его книге читатель найдет громадное количество ссылок на книги, брошюры и статьи по социологии на разных языках. В своей⁵ заметке об одной из прежних работ К.М. Тахтарева я упрекнул его в почти полном игнорировании русской социологической литературы,

² Исправлено с: «издал».

³ Исправлено с: «целью».

⁴ Программы были переизданы, см.: Фрагменты социологического наследия К.М. Тахтарева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 2. С. 16–27.

⁵ Исправлено с: «одной своей»; имеется в виду заметка в «Русском богатстве»: *Кареев Н.И.* Социология г. Тахтарева...

правда, сравнительно бедной, но уже не раз обращавшей на себя внимание и за границей, где даже вышла (в Америке и на английском языке) книга, посвященная русской социологии⁶. Теперь этот недостаток восполнен. Нельзя не поблагодарить автора за то, что он ввел // (л. 4) в число русских социологов Н.Г. Чернышевского, о котором говорит неоднократно (стр. 64, 48, 219, 222, 382–383⁷) и которого прямо называет, и совершенно правильно, одним из первых русских социологов. Не скажу, однако, чтобы автор правильно отнесся к П.Л. Лаврову, которого он характеризует односторонне и притом на основании слишком недостаточного материала. Говоря о его теории личности, К.М. Тахтарев имеет в виду лишь одну из ранних статей Лаврова, появившуюся еще в 1860 году⁸, и его знаменитые «Исторические письма», вышедшие в 1869 году⁹, но все это было написано только в первое десятилетие деятельности Лаврова, а после этого он прожил еще тридцать лет, в течение которых написал ряд работ и даже очень больших книг, в которых уже сказалось на Лаврове влияние социологической мысли. Я, конечно, не имею права поставить К.М. Тахтареву в вину незнание с моей статьей, вышедшей в свет и отдельно (1867¹⁰) о теории личности П.Л. Лаврова¹¹, но не могу не упрекнуть его в том, что, говоря об одном из крупнейших // (л. 5) русских социологов, он не заглянул ни в один из его важнейших трудов, удовольствовавшись только книжкой, которая имела скорее агитационное, чем научное значение.

Раз, далее автор коснулся и двух моих работ, я имел бы право желать, чтобы то, что их касается в его заявлениях, более соответствовало действительности. Во-первых, в моей статье об исторической философии Л.Н. Толстого¹² разбираются вовсе не какие-нибудь две с

⁶ Имеется в виду книга Ю. Геккера: *Hecker J.F. Russian sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory.* New York, 1915.

⁷ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии.* Пг.: Кооперация, 1919. — 424 с.

⁸ Имеется в виду: *Лавров П.Л. Очерки вопросов практической философии.* Т. 1. Личность. СПб., 1860.

⁹ Имеется в виду: *Лавров П.Л. Исторические письма* // Неделя. 1869. № 6. С. 182–187; № 11. С. 343–346; № 14. С. 441–445.

¹⁰ Так в документе!

¹¹ Имеется в виду: *Кареев Н.И. Теория личности П.Л. Лаврова (К истории социологии в России)* // Историческое обозрение. 1901. Т. 12. С. 1–52; отдельный оттиск: *Кареев Н.И. Теория личности П.Л. Лаврова.* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. — 52 с.

¹² Имеется в виду: *Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире» [Л.Н. Толстого]* // Вестник Европы. 1887. № 7. С. 227–269.

половиною страницы «Войны и мира», а многие места в этом романе. Во-вторых, говоря о моей книге «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»¹³, он совершенно неверно сообщает, будто я критикую в ней два «крайне индивидуалистические направления», из которых одно представлено Карлейлем, другое — Толстым. Дело в том, что первым, действительно, представлено крайне индивидуалистическое направление, но о Толстом я говорю как раз в противоположном смысле, как о писателе, доведшем до крайности индивидуалистический // (л. 6) взгляд: у Карлейля личность — все, у Толстого она — ничто, нуль. Как же этот взгляд автор называет крайне индивидуалистическим? Далее заявляется, что я занимаю среднее положение между эти направлениями, т. е. значит между двумя крайне индивидуалистическими направлениями. Но и это неверно. Если понимать дело так, что я поместился между двумя однородными взглядами, то выйдет, что и я стою на индивидуалистической точке зрения, на самом же деле я отрицаю обе в их [резкой] противоположности как одинаково ненаучные. В-третьих, останавливаясь на моем выражении «личное начало», под которым я понимаю индивидуальную оригинальность, мой критик спрашивает: «Что такое это метафизическое начало, ... как не сама личность?». Но что дало право критику утверждать, будто я помещаю это злосчастное начало вне личности? (стр. 218, 232–233). Извиняюсь за это отступление *pro domo sua*¹⁴, но // (л. 7) указываемые мною случаи недостаточной верности заявлений¹⁵ К.М. Тахтарева имеют свои аналогии и в других местах.

К числу таких неверностей я отношу представление дела так, будто «классовая теория»¹⁶ Карла Маркса сложилась под сильным влиянием биологической теории Дарвина о борьбе за существование как основном явлении общественной жизни» (стр. 13, 64 и 195). Но пусть автор вспомнит, что Дарвин опубликовал свою теорию десятью годами позже, чем Маркс высказал свой основной взгляд и что у Дарвина борьба за существование является основным явлением не общественной, а видовой жизни, тогда как общественная жизнь рассматривается у Дарвина как нечто противоположное борьбе за существование между особями одного и того же вида.

Неверно и другое утверждение К.М. Тахтарева, будто Фурье, «социалистический писатель середины XIX века оставил после себя глубокий след коммунизма» [(стр. 31)]. Фурье // (л. 8) писал в начале

¹³ Имеется в виду: *Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890.

¹⁴ *Pro domo (sua)* (лат.) — «за свой (собственный) дом» в смысле «в защиту своих личных интересов».

¹⁵ Исправлено с: «неточности и случаи недостаточной внимательности».

¹⁶ Исправлено с: «учение»

XIX столетия и как раз был противником коммунизма, против которого даже определенно высказывался.

Неверно и то, что «Локк как бы следуя Гоббсу, признает борьбу людей за существование первобытным и естественным их состоянием» (стр. 20), раз он стоял на точке зрения, конечно, неверной, господства в естественном состоянии некоторого несправедливого закона. У Гоббса государство является выходом из войны всех против всех, у Локка — упрочением естественного нравственного закона.

Не вполне совпадает с действительностью и представление К.М. Тахтаревым того, как Монтескье понимал закономерность.

К сожалению, в рассматриваемой книге есть и разные чисто исторические неверности. Вот несколько примеров.

Греческое слово «варвары» вовсе не происходит от имени берберов, как это думает К.М. Тахтарев (стр. 118). Напрасно у него римский царь Сервий Туллий¹⁷ попал в число лиц, говоривших о классовом расчленении общества (стр. 168). К числу // (л. 9) [исторических] lapsus-ов я отношу и Францию времен Плантагенетов, которые были, как известно, английскими королями (стр. 126).

Историки вообще могли бы подвергнуть критике некоторые заявления нашего социолога, и это тем досаднее, что у историков в большинстве случаев социология не пользуется доверием и признанием. Здесь и каждое незначительное «лыко» может быть поставлено в строку. Положим, речь идет о начале средних веков. Разве историк может допустить такое представление, будто варвары заняли места, где жили прежде «погибшие в борьбе» и «уже переставшие существовать» «древние цивилизованные общества» (стр. 292). Ведь и в Галлии, и в Испании, и в Италии местные древние общества не погибли, не перестали существовать, а даже составляли большинство населения, о чем свидетельствуют романские языки в их трех типах, варвары же были, наоборот, в незначительном меньшинстве. // (Л. 10) Сильно будут историки оспаривать мнение К.М. Тахтарева, что в процессе феодализации нужно видеть нечто обратное распадению общества (стр. 123). И где автор нашел в феодальной Франции, бывшей одним королевством, «различные королевства»? (стр. 132). Все это, пожалуй, мелкие недосмотры и ляпсусы, но, повторяю, досадно их видеть в книге, которой желаешь успеха.

¹⁷ Авторское примечание: «Сервий Туллий — шестой царь Древнего Рима в VI в. до н. э. С его именем связывают реформу, разделившую все население Рима на пять классов, или разрядов, по имущественному цензу: каждый класс выставлял определенное количество войсковых единиц — центурий (сотен) и получал такое же количество голосов в центуриатных комициях».

II

Но пора обратиться к вопросу, как же К.М. Тахтарев понимает социологию.

Обозрев способы понимания социологии большим рядом писателей, главным образом, Контом, Спенсером, Гумпловичем, Тардом, Уордом, Зиммелем, Гиддингсом и др., автор пониманию социологии как науки об обществе противопоставляет свое понимание ее как науки об общественной жизни. Все различия в разных определениях социологии он сводит к двум: или, говорит он, это — наука об общественной жизни и «ее закономерности», или, «наука // (л. 11) об обществе, о его [развитии], структуре и функциях» (стр. 9). Это противопоставление делается в целом ряде мест (стр. 12, 17, 24, 91 и др.). Признаться, прочитав одно, другое, третье и т. д. из этих мест, я никак не мог уразуметь, в чем же существо дела, а теперь, когда, наконец, понял, то позволяю себе сказать, что вина была не в моей непонятливости, а в том, что автор с самого же начала не разъяснил для читателя точно и подробно, в чем заключается разница. К.М. Тахтарев становится на сторону «науки об общественной жизни», а не «науки об обществе», находя первое понятие более широким, второе — более узким, которое первым покрывается, так как, говорит он, понимание социологии в качестве науки об общественной жизни «включает в себя и учение об обществе» (стр. 24). Этот аргумент для меня неясен, потому что чего-то в нем недостает. С своей стороны, я мог бы сказать, наоборот, т. е. что понятие об обществе, включая в себя понятия о его структуре, функциях и особенно развитии, включает в себя и понятие об его жизни. Или отчего не // (л. 12) сказать: «наука об обществе и его жизни»? Но пусть автор предпочитает одно определение другому, т. е. пусть наука об общественной жизни включает в себя и учение об обществе, а не наука об обществе включает в себя учение о его жизни: для меня это безразлично, что стоит в заголовке, т. е. самый ли предмет (общество) или происходящий в ней процесс (жизнь). Главное — то, что социология должна изучать социальную закономерность или законосообразность, мыслим мы ее в обществе, или в общественной жизни. Вести дальнейший спор о словах (я убежден, что именно о словах) не стоит, хотя и думал бы, что из двух частей социологии одна (статика) более соответствует понятию общества, другая (динамика) — понятию общественной жизни.

В связи со своим определением социологии К.М. Тахтарев совершенно правильно отграничивает ее как науку общую от других, более частных или специальных, общественных наук, занимающихся лишь определенными категориями явлений (стр. 25). Сочувствую // (л. 13) я и устанавливаемому в книге различию понятий «социальный» и «социологический» (стр. 25), хотя, быть может, я различал бы

их не на том основании, что первое понятие приложимо ко всякому явлению общественной жизни, а второе уместно только по отношению к их общей связи. Что касается лично меня, то «социальный» я применял бы к самим изучаемым явлениям, а «социологический» — по отношению к науке, их изучающей, по аналогии с терминами — «психический» и «психологический». В том ли, в другом ли смысле, конечно, не следует один термин заменять безразлично другим, и я, например, говорил бы всегда о «социологических», а не о «социальных» законах, тем более что выражение «социальные законы» имеет и другой смысл. К сожалению, автор не выдерживает своего различения и говорит о законах социологии то как о социальных (стр. 55, 359, 381 и 399), то как о социологических (стр. 346, 390, 391), т. е. пользуется двумя разными терминами для обозначения одного и того же // (л. 14) понятия, несмотря на сделанное между ними различие. Ведь можно было бы подумать, что в одних случаях говорится о законах отдельных однородных явлений (напр[имер], экономических), в других — о законах разнородных явлений в общей их связи, чего на деле, конечно, нет.

С моей точки зрения, социологическим законам нужно противопоставить социальные явления, будут ли они братья разрозненно по категориям, или в их общей связи. Так, впрочем, выходит и у К.М. Тахтарева, который во введении рассматривал область социальных явлений, во второй части — вопрос о социологических законах.

Раз, — и с этим я вполне согласен, — социология есть особая наука об общественных явлениях или, по автору, об «общественной жизни, взятой в целостности соотношения ее явлений» (стр. 24), то и «социологический метод исследования социальных явлений» должен заключаться «в понимании и установлении их действительного соотношения», как выражается автор. Этот метод он называет соотносительным (стр. 26), к сожалению, нигде не давая // (л. 15) ни строчки его определения, ни, что особенно важнее, классификации его видов, хотя и говорит об этом методе неоднократно (стр. 53, 56 и т. д. до стр. 412). В общем, употребление этого метода должно дать в результате «естественную науку», которая, по словам автора, должна строиться «на ее собственной, чисто социологической основе», а не на основе биологии или психологии, в которых, однако, он правильно видит предпосылки социологии. Глава об этих предпосылках заслуживает большого внимания. Тут дается, прежде всего, связанное учение о жизни людей¹⁸, понимаемой в смысле «удовлетворения человеческих потребностей и желаний» (стр. 30–42), потом учение об общественной жизни как «удовлетворения людьми своих потребностей общества» или

¹⁸ Исправлено с: «человеческой жизни».

«совокупного удовлетворения этих потребностей», что предполагает существование общества, трудового общения или общественного сотрудничества (стр. 42–47). Здесь же даются понятия «сожития» как основы всякой общественной жизни и «общения» как «основы любого общества и любой общественной связи // (л. 16) между людьми» (стр. 49): первое понятие имеет у автора отношение к «обществу», второе — к «общественной жизни», взаимно дополняясь (стр. 45). В связи с явлениями сожития и общения он выясняет и самого человека как «сообщественника» (стр. 49 и след.), причем совершенно правильно отмечает, что «в общественной жизни люди участвуют не только сообща, но и в одиночку», не только «целыми общественными группами, но и отдельными личностями», что, вполне верно говорит он, «требует выяснения того значения, какое имеет личность в общественной жизни, а равно — какое значение ее и для существования самих общественных групп» (стр. 50). Это я считаю очень важным в виду существования тенденции некоторых социологов элиминировать понятие личности из научных соображений социологии.

Определив предмет социологии (общественная жизнь) и ее основные понятия (социальное явление, сожитие, общение), К.М. Тахтарев¹⁹ указывает на задачу социологии как нахождения // (л. 17) закономерности социальных явлений. Последней, как уже было сказано выше, посвящена целая большая глава.

Вопрос о закономерности общественной жизни рассматривается под рубриками, во-первых, повторяемости ее явлений, во-вторых, их зависимости и обусловленности, в-третьих, их соотношения. К сожалению, на страницах, посвященных этому, К.М. Тахтарев, как и вообще в своей книге, не помогает читателю разбираться в последовательном ходе его мысли и в разъяснении его рассуждений, что затрудняет усвоение его положений: со многим я сразу соглашался бы, если бы тот или другой тезис автора выдвигался им яснее и выпуклее, а то не раз приходилось возвращаться назад и опять возвращаться, чтобы лучше понять, что же, в сущности, автор хочет сказать. Притом течение его собственной мысли часто нарушается изложениями и разборами чужих мыслей, хотя, согласен, местами оно было необходимо.

А между тем, многое здесь я читал с сочувственным отношением // (л. 18) к читаемому. В частности, я вполне разделяю взгляд автора на учение Риккерта о неповторяемости исторических явлений. Очень верно, в частности, отмечает К.М. Тахтарев, что Риккерт, это — «один из тех немецких ученых, понятиями которых очень часто ограничивается научное мирозерцание некоторых русских

¹⁹ Исправлено с: «П.А. Сорокин».

ученых» (стр. 297). Я сам не раз это также наблюдал. Автор вообще правильно смотрит на вопрос, говоря следующее: «Так называемые явления повторяемости всегда предполагают известное повторение условий, при которых происходит то или другое явление. Такими условиями для всякого данного явления, с которым данное явление находится в самой необходимой связи и зависимости. И всякое явление повторяемости указывает на эту необходимую связь, зависимость и обусловленность одних явлений другими и только потому и служит указателем их закономерности. Повторяемость различных общественных форм // (л. 19) есть лишь некоторый и очень поверхностный признак закономерности общественной жизни. Представление о правильной повторяемости форм различных явлений есть наименее существенный элемент понятия о закономерности» (стр. 309).

Я выписал здесь эти строки как очень хорошую формулировку существа тех социологических законов, которым я даю название эволюционных в отличие от законов каузальных, которые К.М. Тахтарев, конечно, имеет в виду, когда говорит о закономерности в смысле «необходимой связи явлений или их обусловленностей» (стр. 310 и след.). Но, говорит он, понять вполне должным образом действительную зависимость и обусловленность различных явлений общественной жизни невозможно без выяснения их естественного и необходимого соотношения». Правильное представление об этом, по его мнению, «составляет самую сущность наших понятий о их закономерности» (стр. 323). Но вот тут как раз и начинается область спорных вопросов об основах, или // (л. 20) первичных и о производных, или вторичных, явлениях, что приводит автора к рассмотрению монистических (одинаково идеалистических и материалистических) теорий и теорий плюралистических (стр. 325 и след.). В частности, К.М. Тахтарев останавливается здесь на учении экономического материализма (стр. 327 и след.), причем вывод делается не в его пользу по необходимости принятия за основу не одной экономики, но и психики, — вывод, к которому пришел и я при рассмотрении эволюции экономического материализма в своих «Старых и новых этюдах» о нем (1896)²⁰. Но автор высказывается и против плюралистической точки зрения, находя, что можно и не стоять на монистической точке зрения, и в то же время не отказываться²¹ от стремления выяснить соотношение явлений общественной жизни и не ограничивать задачу социологии «указанием на одновременное взаимодействие многих

²⁰ Имеется в виду: *Кареев Н.И.* Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896.

²¹ Исправлено с: «не сводить».

явлений» (стр. 336). Отрицая абсолютность монизма и плюрализма, он поддерживает ту мысль, что все явления, происходящие в жизни любого общества, суть «явления одной и той же общественной // (л. 21) жизни и потому естественно находятся в необходимом соотношении друг с другом, как естественные части одного и того же процесса и общественного целого» (стр. 337). «Основным и первичным деятелем всей жизни людей» является для автора «стремление их удовлетворить свои человеческие потребности» и «верно ли, — говорит он, — было бы правильным» думать, что «та или иная²² из них имеет более первичное и основное значение, чем другие». Он прямо признает, что все важные стороны жизни «одинаково первичны» (стр. 338), т. е. становится на плюралистическую точку зрения. По его мнению, тот, кто на основании преобладания материальных потребностей над духовными, «пришел бы к заключению, что явления психической жизни человека суть более поздние явления, чем явления экономической или половой стороны жизни, конечно, совершил бы ошибку столь очевидную, которая бы, казалось, даже никого не могла ввести в заблуждение» (стр. 339). Этими словами и другими в том же смысле К.М. Тахтарев, несомненно, отмежевывается // (л. 22) себя от ортодоксального марксизма, о котором²³ еще не раз правильно говорит как о теории недостаточно разработанной самим ее творцом (стр. 229, 328, 390 и др.).

Социолог, знакомый с литературой разных направлений, — а К.М. Тахтарев именно такой социолог, — и не может стоять на иной точке зрения и не видеть «в общественной жизни ряд соотношений различной сложности» (стр. 342), каковую сложность он даже схематически изображает в интересном чертеже (стр. 344).

Но возвратимся к вопросу о социологических законах. В книге имеется интересный отдел о том, как разнообразно отдельные писатели понимали и «общие законы социологии», и, в частности, «законы последовательности и связи явлений общественной жизни», но я нахожу, что автору следовало бы сделать из этого обзора более яркие и более точные выводы, дабы читатель не был вынужден проделывать некоторую работу для того, чтобы вполне уловить настоящую мысль автора. То же // (л. 23) самое я сказал бы и о последней главе второй части, где говорится о законах статистических и статистико-социологических. Как-то ожидать подведения итогов и не находить его, — обстоятельство, затрудняющее и передачу мыслей автора, и их критику. Многое здесь, по крайней мере, представляется неуловимым.

²² Исправлено с: «другая».

²³ Исправлено с: «относительно которого».

Думаю, что многие читатели будут не удовлетворены его почтенным трудом со стороны его недостаточной законченности.

Может быть, этим, на мой взгляд, недостатком объясняются и некоторые противоречия. Например, на стр. 251 заявляется, что «природа, вопреки обычному мнению, делает скачки», и что «в общественной жизни мы их видим очень часто», а на стр. 267 говорится, что переходы от одной ступени развития к следующей никогда не совершаются сразу. Нечто подобное повторяется на стр. 288, а на стр. 291 уже утверждается, что «в некоторых отношениях общественная жизнь совершает скачки», показателями которых служат революции. И опять на стр. 308 уже делается заявление о невозможности «перескакивания» через необходимые ступени. Хочу верить²⁴, что в мысли автора нет противоречия, но что // (л. 24) оно существует в [словесных] выражениях автора, это, я думаю, должно броситься в глаза сколько-нибудь внимательному читателю.

III

Теперь очередь за центральной частью труда К.М. Тахтарева. Свой «анализ общественной жизни и ее основных явлений» он начинает с рассмотрения «человека как сообщественника», всецело становясь на точку зрения Аристотеля, к которому вообще иногда обращается, правильно учитывая природу его «Политики» как социологического трактата. Человек, по определению Аристотеля, есть «животное политическое», ибо, будучи обособлен от других, не является существом «самодостаточным», как автор переводит греческое слово «αὐτάρκης». Только напрасно в разных местах он аристотелевскую «автаркию» переделывает в «автархию», ибо это слово не стоит в родстве ни с какой «архией», входящей в состав слов «монархия», «олигархия», «анархия» и т. п. Напрасно также он считает неверным перевод «автаркии» как «самодовление», ибо последнее есть то же, что его самодостаточность (стр. 128, 77 и др.). //

(Л. 25). В параграфе, озаглавленном «Социологическое понятие о человеке» К.М. Тахтарев обзревает взгляды на этот предмет нескольких писателей, начиная, после Аристотеля, с Бэкона и Гоббса (стр. 58–67), вслед за чем устанавливает свой собственный взгляд на вопрос (стр. 67–74). Здесь он напирает на «несамодостаточность» отдельной человеческой личности ни в одной из сторон ее жизни, ни в какой области удовлетворения ею своих потребностей. Все, что здесь говорится, вполне верно, кроме мелочей вроде, напр[имер], толкования слова «сознание», будто бы обозначающего «общение в области знания», тогда как данное слово совсем такого оттенка в своем значении не имеет (стр. 70), как и «совесть», толкуемая по аналогии с

²⁴ Исправлено с: «думаю».

«сочувствием». Вывод автора тот, что человек, понимаемый во всей полноте его свойств и особенностей, есть «плод и участник сожития, проявляющегося в самых различных формах общения», и только в таком понимании может быть предметом социологии (стр. 74). От [понятия] человека как сообщественника К.М. Тахтарев естественно переходит к понятию общества, на // (л. 26) [котором] останавливается очень долго. Я нахожу, что следить за развитием собственной мысли К.М. Тахтарева было бы много легче, если бы он не так обильно распространялся о взглядах своих предшественников, попутно касаясь при этом и посторонних вопросу пунктов. Две главы (2 и 3), занимающие вместе 34 страницы, посвящены учениям об обществе родоначальников социологии (стр. 75–92) и у более новых социологов (с. 93–108), чтобы, в конце-концов, закончиться утверждением автора о неудовлетворительности в научном отношении всех определений, «данных самыми выдающимися общественными мыслителями и социологами» (стр. 108), за единственным, пожалуй, исключением — пониманием общества у Аристотеля, у которого, однако, автор тоже находит пробелы в понимании общества как общения, но без указания на сожитие и в отсутствии определенности у понятия автаркии.

Автор особенно настаивает на том, что любое общество есть сожитие, проявляющееся в той или иной форме общения, но оговаривается, что «не всякая форма общения есть общество», и что // (л. 27) «не всякая форма общения служит его проявлением». С этой своей точки зрения он и возражает социологам, видящим общество [езде], где есть общение, сожитие и психическое взаимодействие: случайно собравшаяся толпа, в которой происходит психическое взаимодействие, не есть еще сообщество (стр. 109). Для автора мало даже наличности постоянной и организованной формы общения для того, чтобы можно было говорить об обществе «в том широком, социологическом смысле слова, в каком называется обществом любое племенное или национальное общество, древняя гражданская община или новейшее политическое общество», т. е. современное государство. Именно, здесь указывается на то, что в каждой из этих форм мы имеем «самую широкую форму сожития» и «самую всеобъемлющую форму общения» (стр. 110). Названия общества заслуживает поэтому лишь «такое полное и всестороннее общение людей, которое обеспечивает им все стороны их жизни, все их потребности», что только и делает подобное общежитие само- // (л. 28) достаточным (стр. 111). Этот свой взгляд автор проверяет на отдельном рассмотрении простейшей формы племенного общества и более сложных форм человеческого общежития, каковы родовое, территориально-племенное, феодальное и сословное и политическое общество в его менее или более сложных

видах. Из этого перечня видно, что автор под обществом разумеет государство и те формы общежития, которые ему предшествовали, т. е. повторяет чисто политический взгляд Аристотеля. В виду, однако, того, что [*даже самое сложное*] государство не есть самая широкая форма сожития и самая всеобъемлющая форма общения, да и вполне самодостаточная, можно было бы, в сущности, поставить знак равенства между обществом и всем человечеством, к чему приходит и сам К.М. Тахтарев, говоря о «сожитии народов, стремящихся слиться в единое мировое космополитическое [*человеческое*] общество» (стр. 141). Главное, на что нужно обратить внимание, это, по моему мнению, — отсутствие полной отграниченности и совершенной замкнутости // (л. 29) отдельных обществ, если только мы не собьемся на точку зрения государствоведов с их указаниями на определенную территорию, занимаемую каждым политически объединенным населением (= обществом), и на общую власть, простирающуюся и на ее жителей (= общество).

Коротко говоря, К.М. Тахтарев определяет общество как «самодостаточное сожитие людей», сознающих свое общественное единство, проявляющееся в их «самодостаточном общении с целью всестороннего обеспечения жизни» (стр. 141). Общество в таком понимании у автора классифицируется, как мы видели, в отдельных²⁵ формах, среди которых высшую форму он называет «политическим», которое, говорит он, «как показывает самое его название, развивается на почве городского образа жизни в городских общинах» (стр. 126). Это — какой-то отголосок греческого словоупотребления, в котором «полис» значит и город, и государство, а между тем сам же автор пользуется термином «политический» и в более широком // (л. 30) и для нашего времени общеупотребительном смысле. Укажу, например, сведение человеческой жизни к сторонам физической, психической и политической на стр. 35. На существо наиболее сложной формы общества, называемой автором политической, как будто и общество феодальное, и сословное не были политическими же организациями, по его мнению²⁶, указывает самое название, им этой форме даваемое, но это — опасный прием. Я думаю сказать кстати, что немало неясности в некоторые немецкие соображения в обществе внесло то, что в немецком слове “Burger” заключаются понятия и гражданина (фр. citoyen), и буржуа (рус. мещанин). Впрочем, не буду более распространяться о классификации обществ автора и терминах²⁷, не всегда вызывающих его согласие.

²⁵ Исправлено с: «на разных».

²⁶ Исправлено с: «по мнению автора».

²⁷ Исправлено с: «терминологии».

От своего определения общества К.М. Тахтарев переходит к решению вопроса, что же лежит в основе самодостаточного сожития людей. Опять здесь мы прежде всего имеем обзор прежних ответов на этот вопрос; в данном случае, нахожу я, очень уместный, особенно // (л. 31) в виду сопровождающих его критических замечаний самого К.М. Тахтарева. Здесь проходит перед нами Конт, Дюркгейм, Спенсер, Маркс и марксисты, Гиддингс, а потом автор перебирает отдельные принимаемые им формы общества, чтобы извлечь отсюда решение вопроса, причем, замечу кстати, политическое общение он здесь противопоставляет не родовому, племенному, феодальному и т. п., как это было в его классификации, а хозяйственному, трудовому, брачному и т. п. Здесь очень много интересных соображений, например, о существовании «единой общей исторической жизни и в чисто словесном обществе» (стр. 156). Общий же вывод тот, что [*настоящею*] основой служит «общественное сотрудничество его членов, достаточное для обеспечения всех их признанных потребностей и стремлений к более совершенной жизни», и что это сотрудничество «лежит» и в основе их общественной связи, или «социальной солидарности, которая всегда и всюду является плодом общежития людей» (стр. 161). //

(Л. 32) Две главы (6–7) в книге К.М. Тахтарева посвящены вопросам о разделении и расслоении общественного труда и расслоении общества, причем с первым связана проблема классовобразования, со вторым — учение об общественном строе. Это — очень интересные главы, в которых излагаются соответственные теории разных социологов, весьма последовательно классифицируемые, и самим автором рассматривается расслоение и строй общества на разных ступенях социальной эволюции, соответствующих тем формам общества, которые установлены автором. Я отношу эти главы к лучшим по систематичности и ясности изложения и по общей верности излагаемых взглядов. «Всегда и всюду, — говорит К.М. Тахтарев в заключении к этим главам, — разделение и расслоение общественного труда совершается на почве существующего неравенства», которое само обусловливается довольно разнообразными причинами, нередко свойственными только известным ступеням общественного развития, напр[имер], полом, возрастом, личными способностями в первобытном обществе, экономическими отношениями на дальнейших // (л. 33) ступенях [(стр. 190)]. Теми же причинами, что расслоение труда, обусловливается и классовобразование, хотя бы и нельзя было утверждать, что здесь исключительно действуют производственные отношения, как и в теории марксизма (стр. 191).

Отдельная и тоже очень интересная глава (8) посвящается автором учению об общественных силах и общественно-групповому

истолкованию общественной жизни. Здесь правильно указывается на то, что понятие об общественных силах до сих пор отличается неустановленностью, хотя уже в «Политике» Аристотеля имеется определенное и ясное их понимание» (стр. 194). Опять автор пересматривает взгляды на этот счет разных социологов. Одни выдвигают вперед экономический момент, другие — политический, третьи — расовый, но с особым вниманием автор отнесся к психологическому пониманию некоторых американских социологов, которые, как Лестер Уорд, видят в общественных силах «личные желания людей, служащие главными побуждениями и двигателями жизни любой человеческой личности, а // (л. 34) следовательно, и общественной жизни известной совокупности личностей» (стр. 196 и след.). Автор правильно критикует эту точку зрения: «общественная сила есть сила общества, а не отдельного человека» и «исходит не из отдельной личности, а из известной совокупности людей», будучи «порождаема известным общением стремящихся осуществить своими совокупными силами общие им всем желания как членам одного и того же общества, как сообщественникам» (стр. 148). Соглашаясь с этим по существу, я нахожу только, что в этих строках²⁸ слову «общество» придается другое значение, чем то, какое установлено автором. «Известная совокупность людей» есть здесь, конечно, не самодовлеющее целое, а только та или другая его часть, какое-либо сословие, класс, партия, ассоциация, т. е. в конце-концов какая-либо общественная группа, как это, разумеется, явствует из всего изложения данной главы. Психологизму американских социологов К.М. Тахтарев противопоставляет здесь критику тоже одного американца, Артура // (л. 35) Бентли (стр. 198–204), стоящего на точке зрения группового истолкования общественной жизни как особого метода. В данном отношении Бентли близок к Марксу, от которого отличается тем, что не видит в экономической основе единственную основу всех общественных групп (стр. 201). К.М. Тахтарев видимым образом примыкает к этой теории, толкуя всякую общественную силу как «совокупную силу людей, объединенных общим стремлением к достижению какой-либо общественной цели», хотя бы это были чисто временные группировки (стр. 204). И в дальнейшем автор постоянно ссылается на Бентли, хотя и не без оговорок. Силу каждой общественной группы составляют, конечно, ее личные и материальные средства, т. е., во-первых, сами [*составляющие*] их люди, объединенные общими интересами, чувствами и понятиями, а во-вторых, все те способы действия, какие находятся в их распоряжении. В первом отношении важны число и качества членов группы, их объединенность (стр. 205–206). Что такие группы могут

²⁸ Исправлено с: «словах».

развивать в себе большую общественную силу, явствует из того, как часто // (л. 36) они действуют на «общественную власть, эту высшую организацию общественной и политической силы» (стр. 209), хотя бы и в форме давления общественного мнения. «Различные учреждения общественной власти, — говорит автор, — всегда были орудием господства и защиты интересов различных общественных групп, на которые распадается каждое общество» (стр. 211).

IV

Заканчивая главу об общественных силах, К.М. Тахтарев ставит вопрос: «какое же отношение имеет к общественной силе отдельная личность? Какова ее роль в общественной жизни? Этот вопрос, который пишущего эти строки, как историка, всегда особенно интересовал теоретически, рассматривается в особой главе (9) второй части книги К.М. Тахтарева.

В этой главе я [*нахожу*] особенно много пунктов несогласия с автором рассматриваемого труда.

Когда я читал еще только его начало (стр. 50), я очень сочувственно отнесся (и это выше отметил уже) к таким положениям: «в общественной жизни люди участвуют не только сообща, но и в одиночку; двигателями, факторами, творцами ее являются ... и // (л. 37) отдельные личности; социологическое значение личности же может быть понято без выяснения ее наивысшего проявления в творчестве и различных личных начинаниях, в открытиях и изобретениях» и т. д. Вообще, — говорит здесь же автор, — «стремясь понять общественную жизнь наиболее правильно и полно, нельзя ограничиться лишь общественно-групповым ее объяснением». Кроме того, в частности, о творчестве он говорит как о бывающем «или личным или общественным» (стр. 51). Все это такие мысли, которые я постоянно повторял и развивал сам в своих книгах и статьях, признавая равно односторонними и чисто индивидуалистические, и исключительно коллективистические истолкования исторического процесса, и взгляды на этот процесс как на строго²⁹ сознательную и преднамеренную активность личностей или как на безличную эволюцию. Весьма естественно, что я должен был ожидать от главы о личности в книге К.М. Тахтарева чего-то иного, чем в ней нашел. //

(Л. 38) Автор порицает как нечто метафизическое противопоставление личности и общества как двух совершенно противоположных начал, личного и общественного (стр. 245, 232, 233, 235), но, я надеюсь, он ничего не будет иметь против того, чтобы в психике и в поведении личности различать то, что ей самой принадлежит от природы, свойства ее ума, темперамента, характера, или что вырабатывается

²⁹ Исправлено с: «чисто».

ею по ее инициативе и [*внутренними*] актами ее творческой деятельности, от того, что является в ней результатами идущих от общества на нее воздействий и отражает в ней окружающую общественную среду: одно и будет личным, другое — общественным, без всякого метафизического предположения, какое бы существительное мы ни приставили к указанным прилагательным. Пусть слово «начало», когда-то употребленное мною, будет признано неудачным, но, как было уже выше сказано, личное начало, с указанной точки зрения, мыслится существующим как раз в личности, а не вне ее, как почему-то представляется автору. Вот в этом различии самую // (л. 39) личность того, о чем она может сказать «это — мое», от того, что она считает не своим или пришедшим к ней извне, и заключается основания для возможности противопоставления индивидуального я всему тому, что для него есть не-я, и в это не-я входит совершенно логически и целое общество. Пусть это будет вырывание части из целого (стр. 235), но раз сам автор протестует, и правильно, против «сливания общества и личности в нечто единое, в чем исчезает всякая личность» (стр. 215), то почему же нельзя смотреть на общество как совокупность личностей, конечно, связанных между собою в одно целое, и противопоставить каждое отдельное слагаемое всей их сумме, раз такие слагаемые не сливаются в одну общую нерасчлененную массу, как отдельные капли воды в том или другом ее резервуаре от стакана до океана? Уже сам К.М. Тахтарев тоже «вырывает» отдельные личности из общества, когда говорит о их исключительной творческой деятельности, когда соглашается называть тех или других деятелей выдающимися, великими и т. п. (стр. 234). //

(Л. 40). То обстоятельство, что «[*существует неразрывная связь*] между любой человеческую личностью и тем обществом, частицу которого она собою представляет и без которого она не может существовать в силу своей несамодостаточности», вовсе не может служить препятствием для выделения³⁰ по тем или другим основаниям какой-либо личности из целой совокупности всего общества, без всякого произвола, если на то будут научные³¹ основания, и без впадения в какую бы то ни было метафизику. Ведь выделяем же мы, например, Наполеона из всего французского общества его эпохи, в чем никто не обвинит нас в произволе или в каком бы то ни было метафизическом ухищрении. К.М. Тахтарев говорит: «выделить личность из общества можно лишь произвольно, как взять какое-нибудь отдельное животное из целого стада, как вырубить какое-нибудь дерево из целого стада (sic!)» (стр. 235).

³⁰ Исправлено с: «для того, чтобы...».

³¹ Исправлено с: «различные научные».

Впрочем, он идет и на небольшую уступку. «Мы, — говорит он, — противопоставляем себя обществу, или, точнее сказать, другим личностям только в том случае, если мы в чем-нибудь не согласны с ними» (стр. 235). Но верно ли это? В коллективном «мы», // (л. 41) выражающем для автора согласие, не исчезает различие между «я», «ты» и «он», и одинаково можно говорить о согласии раздельно (я и ты друг с другом согласны), и о несогласии слитно (мы друг с другом не согласны).

³²Далее, автор считает еще возможным противопоставлять личность только личности, но не поясняет, одной ли или некоторому их количеству. Кажется, запретить последнее нет никакого основания, и раз это так, что мешает на каком-либо, конечно, основании, а не произвольно, противопоставлять одного всем?³³ Но и тут новое недоумение: [К.М. Тахтарев] позволяя противопоставлять личность личности, но без объяснения причин, запрещает противопоставлять «крестьянина рабочему, рабочего — ученому, ученого — судье или правителю и т. д.».

Оберегая все общество от противопоставления ему отдельных людей как его частиц, К.М. Тахтарев распространяет свое запрещение и на отдельные коллективные части общества, на группы, позволяя делать это группам между собою (стр. 236), но ведь и здесь возможно противопоставление одной группы всем остальным, что тоже будет противопоставлением [одной] части // (л. 42) всему обществу (правда, минус эта часть). К сожалению, в книге ничего не говорится о противопоставлении личностей их группам, а тема интересная, в виду того, что одна и та же личность может входить в состав разных группировок. Это — большой пробел в учении о взаимных отношениях личности и общества.

Сам автор свое понимание [вопроса] выражает кратко в формуле: «личность и общество суть лишь две стороны одной и той же общественной жизни людей» (стр. 236, ср. стр. 215). Если это не одна сторона, а две стороны, то, значит, одна другой противопоставляется, против чего так протестует сам же автор, а потом, если общество есть целое, а личность лишь его часть, то как часть может быть самостоятельной стороною наряду со своим целым? Нет, дело обстоит гораздо сложнее, чем это представляется автору.

В главе (10) о творчестве и движении общественной жизни, где говорится о важном значении открытий и изобретений, являющихся обыкновенно делом единиц, К.М. Тахтарев, как и в других, впрочем,

³² Зачеркнуто: «Другая уступка автора существеннее, но зато очень непоследовательная».

³³ Зачеркнуто: «Как же сам К.М. Тахтарев понимает дело?».

местах, говорит о личной и общественной творческой деятельности людей (стр. 244 и 245). Он ставит // (л. 43) здесь вопрос о значении как одного, так и другого вида творчества в социальной эволюции. И опять он рассматривает, как понималась эта самая эволюция другими социологами, но не столько со стороны индивидуального и коллективного в ней участия, а со стороны самого основного ее характера и в связи с понятиями метаморфоз, трансформизма, прогресса, революции и т. п. (стр. 246 и след.). В этой главе я почти со всем согласен и в частности с тем, что в движении общественной жизни наблюдаются и эволюции, и революции (стр. 252 и след.), но особенно подчеркиваю, что и здесь автор противопоставляет нечто личное общественному, когда говорит о развитии личности и о развитии общественности³⁴, замечая при этом, что обыкновенно первое предшествует второму (стр. 254–255).

В последних двух главах (12 и 13) второй части разбираемой книги речь идет об основных ступенях развития человечества и о прогрессе и регрессе. Рассмотрев идеи Кондорсе, Моргана, Энгельса и др., К.М. Тахтарев дает свою схему, в которой говорится о почти ступенях: это — 1) общество тотемическое, 2) родовое; 3) территориально объединенное; 4) феодально-сословное и 5) // (л. 44) классовое (стр. 266–267), что в сущности совпадает с другими местами книги, где говорится о том же предмете³⁵. Но вот что ново в рассмотрении этого предмета сравнительно с тем, что говорилось в книге раньше: это — вопрос о личности и общественности на каждой из принятых автором ступеней. Тут личность противопоставляется уже не обществу, а общественности, причем на первый план выдвигается большее или меньшее поглощение личностей обществом, с одной стороны, и дифференцирование общественных приложений личностей — с другой (стр. 268–270). Куда же идет развитие? Социалисты говорят о еще большем и большем обобществлении, анархисты же думают, что все больше развивается индивидуализм. Для К.М. Тахтарева «и те, и

³⁴ Исправлено с: «общественной организации».

³⁵ Авторское примечание (вынесено на отдельный лист): «Подстрочно к стр. 44. Оставляю эту схему, играющую большую роль в системе автора, без детального разбора, так как для этого потребовалось бы много места. Именно при разборе пришлось бы проверить это построение на фактах истории, которые лишь с натяжками и пробелами можно было бы уложить на такое прокрустово ложе. Составляя свою схему, К.М. Тахтарев подражал, впрочем, многим социологам, слишком прямолинейно понимающим проблему эволюционной законосообразности и потому не только не делающим различия между ступенями и типами различия, но и возводящим разные местные разновидности на степень всеми народами проходимых фазисов».

другие права как раз наполовину», ибо «оба явления совершаются одновременно и в самой строгой зависимости друг от друга (стр. 270). Видя «сущность развития человечества» в «одновременном развитии личности и общества», он ставит вопрос о том, что такое прогресс и чем он отличается от эволюции.

Первое различие этих понятий он приписывает Спенсеру [(стр. 272)], но // (л. 45) могу заверить, что еще раньше об этом говорил Конт. Как и в других случаях, и здесь сообщается ряд взглядов на прогресс других социологов. Обыкновенно думают, что понятие прогресса отличается от понятия эволюции своим оценочным характером, но К.М. Тахтарев главным отличием понятия «прогресс» видит в «искусственном характере творческой деятельности человека, обуславливающей поступательный ход общественной жизни, постоянно обновляемой различными открытиями и изобретениями». Главными изменениями в общественной жизни он признает: 1) изменение отношения человека к природе; 2) повышение уровня человеческой жизни; 3) появление новых потребностей и лучшее удовлетворение последних и 4) постепенное ускорение поступательного хода общественной жизни. Все это, справедливо замечает автор, чисто объективные признаки. В книге есть даже довольно замысловатая, но очень интересная схема параллелизма эволюции и прогресса с принятием в расчет отдельного развития личности и развития общественных организаций (стр. 284), но это не общий для всех путь, а только господствующая тенденция. Охотно здесь присоединяюсь // (л. 46) ко многому и в особенности к следующим словам автора: «глубоко ошибаются те, которые видят в борьбе, какова бы она ни была сама по себе, явление прогрессивное. Всякий прогресс создается лишь творческою деятельностью человека, и борьба может способствовать прогрессу лишь постольку, поскольку она ведется действительно за новые (я прибавил бы: ценные) формы жизни и за устранение ненужных препятствий ее поступательного хода... Борьба ничего не творит... Творческим началом жизни служит труд. А борьба, как и соглашение, лишь неизбежный спутник общественной жизни и сосуществования различных обществ и общественных групп» (стр. 292–293).

V

Таково содержание «Науки об общественной жизни» К.М. Тахтарева. К некоторым ее сторонам я отнесся отрицательно, но в одних случаях это вызывалось просто несогласием во взглядах, и лишь в некоторых случаях я находил частные [недостатки], промахи, ошибки. В общем, однако, труд тот заслуживает быть названным ценным. Прежде всего, // (л. 47) его автор обладает большою начитанностью в социологической литературе, между прочим, новейшей американской, и из его обзоров того, как стоит тот или другой вопрос

в этой литературе, читатель может почерпнуть много новых и полезных идейных знаний. В большинстве случаев он сопровождает изложение чужих взглядов хотя бы краткими критическими замечаниями, служащими уяснению его собственных взглядов. О предмете, задаче и методе социологии у него есть определенное понятие, хотя, по отношению к методу, и недостаточно выясненное в изложении. Стремясь к созданию системы, он дал действительно стройное целое, в котором соединены, с одной стороны, рассуждения о социологии, с другой — учение о самой общественной жизни как предмете этой науки. Не все входящие в обе области вопросы разработаны одинаково точно, полно, стройно и цельно, но ведь это — общая судьба всех столь много, как эта, охватывающих книг. Сам автор в предисловии сознается, что многое в своей книге он переделал бы, что, может быть, // (л. 48) и дало ему повод приложить к книге программу своего курса.

В этой последней, кроме краткого сведения о социологии, система разделяется на две части. Первая, общая часть, содержит отделы, озаглавленные как анализ социальной жизни и как ее синтез. Сравнивая содержание этих двух отделов с содержанием рассмотренной книги, находим, что программа в этой первой части своей является гораздо более полной. Вторая часть, названная особой, заключающая в себе специальное изучение различных явлений общественной жизни в их естественных и необходимых соотношениях, уже играет роль дополнения и углубления, состоя при том из нескольких отделов с очень насыщенными суммарными их содержания. Назову эти отделы: 1) явления общения, 2) явления разобщения, 3) явления общественной группировки, 4) общественные отношения и личность, 5) явления взаимопомощи и жизни на счет других, 6) явления борьбы и соглашений, 7) творчество и поступательный ход общественной жизни, 8) явления эволюции, революции, прогресса и пр., 9) необходимое соотношение // (л. 49) явлений различных сторон общественной жизни и закономерность изменения этого соотношения в поступательном ходе жизни. Очень было бы желательно, чтобы по этой программе К.М. Тахтарев написал новый труд.

Н. Кареев

Дата поступления: 18.01.2014.

N.I. KAREEV

THE TWO NEW SCIENTIFIC WORKS ON SOCIOLOGY

[PART 2] "THE SCIENCE OF SOCIAL LIFE" BY K.M. TAHTAREV

(Scientific-research department of manuscripts of the Russian State Library. Corpus 119. N.I. Kareev. Folder 43. Case 9. Sheets 1–49. Signature. Original. Draft)

The publication prepared by *E.A. DOLGOVA*

Dolgova Evgeniya Andreevna — Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Russian State University for the Humanities (RSUH). **Address:** Kirovogradskaya st., 25\170, Moscow, Russian Federation 117534. **Phone:** +7 (925) 150-52-37. **Email:** dolgova-evg@rambler.ru.ru

Abstract. Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931) — prominent sociologist and historian, one of the originators of Russian sociology, represents its psychological branch. The major problematic domains of the research are the method of social cognition, collective psychology as the basis of the society, the historical process. This review by Kareev is dedicated to the work of K.M. Tahtarev “The science of social life, its events, their correlations and regularity”, which was published in 1919 in Petrograd. The review was written by Kareev in 1921 and delivered as a lecture at the session of the Russian sociological community.

The review covering K.M. Tahtarev’s ideas consists of five parts — the first part is dedicated to the analysis of some factual inaccuracy of the author, parts two, three and four retell the content of the paper. In the fifth part there is a very valuable analysis of the K.M. Tahtarev’s programme of teaching sociology as an educational discipline.

This review is to be the most detailed overview of the young sociologist’s work. The main targets for Kareev’s criticism are the flabbiness of Tahtarev’s work and his inaccuracy in the presentation of historic data. Kareev highly appreciated Tahtarev’s contribution to the teaching of sociology. It is the first time this document found in the Kareev’s private fund in the Department of manuscripts in the Russian State Library is published.

Keywords: N.I. Kareev, K.M. Tahtarev, “The science of social life, its events, their correlations and regularity”, review on sociological literature, programme of sociological teaching, sociology, social life.

Received: 18.01.2014.